

СТЕФАНИ
ЛОУРЕНС

Единственная

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л81

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Stephanie Laurens
A LADY OF HIS OWN

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Лоуренс, Стефани.

Л81 Единственная : [роман] / Стефани Лоуренс ; [перевод с английского Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-127398-9

Чарлз Сент-Остелл возвращается домой с наполеоновских войн, куда ушел когда-то двадцатилетним юношей. Слишком много лет вдали от родины, слишком много сражений за плечами — теперь он хочет лишь одного: жениться и обрести тихое семейное счастье.

Однако возвращение к мирной жизни не обещает быть легким.

Во-первых, на пути Чарлза встает французский шпион — неуловимый, безликий и смертельно опасный.

А во-вторых, единственная женщина, которую он хотел бы назвать своей женой, — его первая любовь Пенелопа, леди Селборн, — знать не желает «подлого соблазнителя», который обесчестил и бросил ее девять лет назад, и вообще отказывается выходить замуж.

Две задачи, две миссии — обезвредить шпиона и вернуть себе любовь Пенелопы. И Чарлз не уверен, какая из них труднее...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127398-9

© Stephanie Laurens, 2004
© Перевод. Т.А. Перцева, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

*Рестормел-Эбби
Лостуител, Корнуолл
Апрель 1816 года*

Крррак!

В камине треснуло прогоревшее бревно. Искры, зашипев, полетели во все стороны. Взметнулось пламя, посылая языки света, игравшие на кожаных переплетах, выстроившихся по стенам библиотеки.

Чарлз Сент-Остелл, граф Лостуител, выпрямился в мягких глубинах кресла и проверил, не попали ли искры на мохнатые шкуры волкодавов, Кассия и Брута. Улегшись волосатыми холмиками у его обутых в сапоги ног, псы даже не шевельнулись. Запаха паленой шерсти тоже не чувствовалось. Чарлз, облегченно вздохнув, снова откинулся на вытертую кожу, поднес к губам бокал, пригубил янтарную жидкость и погрузился в размышления.

О жизни, ее превратностях и подчас неожиданных поворотах.

За окном выл ветер, с пронзительным свистом ударяя в каменные стены. Сегодняшняя ночь была относительно спокойна, погода разгулялась, но до урагана, часто посещавшего южное побережье Корнуолла, дело пока не дошло. Однако в Эбби все дремало: была уже середина ночи, и, если не считать графа, остальные обитатели крепко спали.

Самое время подводить итоги.

Да, его послали сюда с миссией, но все вышло почти случайно. Попросили узнать, есть ли какая-то доля правды в историях о секретах министерства иностранных дел, передаваемых врагу через местных контрабандистов. Конечно, лично его подобные истории не касались. Он просто воспользовал-

ся предложением, любезно предоставленным бывшим командиром Далзиллом, чтобы вернуться в дом предков и там на свободе постараться верно оценить свои перспективы, а заодно как-то примирить сильное желание обрести жену и наследников и все возрастающее неверие в то, что когда-нибудь найдется леди, достойная занять пустующее место графини Лостуител.

Недостатка в кандидатках не было: девицы из лондонского общества и их маменьки наперебой осаждали выгодного жениха, но сам он так и не выбрал невесту. Молодые дамы, у которых ум был явно короче волос, видели в нем только красивого и богатого дворянина, окутанного романтической дымкой побывавшего на войне героя, но сам Чарлз не испытывал к ним ничего, кроме снисходительного пренебрежения. И поэтому твердо решил не возвращаться в общество, пока не определит для себя, какую именно женщину он хотел бы видеть своей женой.

По правде говоря, эта отчаянная потребность в жене — той, единственной, что предназначена только для него, — сильно нервировала графа. Вернувшись в Лондон после сражения при Ватерлоо, он сумел убедить себя, что эта нужда вполне естественна: шестеро его друзей, как и он сам, точно так же искали жен. Именно эта дружба привела к образованию клуба «Бастион», их последнего бастиона против алчных мамаш лондонского общества. Поэтому нетерпение Чарлза немного притупилося, что позволило выждать еще несколько месяцев.

Но теперь, когда Тристан Уэмис и Тони Блейк нашли невест и женились, он, раздраженный и растерянный, терзался желанием последовать их примеру и бесплодно ожидал появления своей леди.

Последние несколько недель в Лондоне ему, затянутому в водоворот подготовки к следующему сезону, удалось наконец понять, что именно питает это неутолимое желание. Целых тринадцать лет он был оторван от общества, в котором родился и куда теперь вернулся. Тринадцать лет провел он на вражеской территории, ни на секунду не расслабляясь, всегда держась начеку. И даже теперь, зная, что вернулся домой и война закончена, Чарлз никак не мог полностью погрузиться в беззаботное веселье балов, раутов и званых ужинов. По-прежнему оставался маскирующимся под своего чужаком: наблюдал, следил, приглядывался, прислушивался, не в силах отрешиться от привычки повсюду видеть врагов. Он даже не пытался стать своим в лондонском свете, и именно поэтому

нуждался в жене, которой предстояло играть роль связующего звена между ним и обществом. В конце концов, он граф, имеющий многочисленных сестер, кузин и кузенов, родственников, не говоря уже о вполне понятных обязательствах. Какой из него отшельник! Да Чарлз и не желал этого: он просто не годился для подобной роли! Хотя бы потому, что любил вечеринки, балы, танцы, любил людей, шутки, веселье... и все же, даже стоя в бальной комнате, окруженный смеющейся толпой, по-прежнему чувствовал себя незванным гостем, взиравшим на все со стороны. Совсем не частью общества, членом которого был по праву рождения.

Связи. Вот одно жизненно необходимое качество, которое он искал в жене. Ей придется снова вернуть ему прежнюю жизнь. Но для этого она прежде всего должна установить духовную связь с ним, и именно тут все смазливые молодые особы терпели неудачу.

Они даже не пытались рассмотреть его как следует, не говоря уже о взаимном понимании. И он вовсе не был уверен, что после свадьбы они захотят его понять. Их представление о браке, об отношениях, сопутствующих этому состоянию, похоже, ограничивалось самыми поверхностными идеями. А это, по мнению графа, находилось в опасной близости к обману и притворству. После тринадцати лет существования во лжи и постоянных измышлениях Чарлз не позволит фальши проникнуть в его жизнь — реальную жизнь, ту, которую он отныне намерен вести. Любой элемент хитрости, коварства и уловки для него недопустим.

Пристально глядя на пляшущее в камине пламя, он старался сосредоточиться на цели. Главное — найти настоящую женщину. Пока что он без труда сумел отвергнуть всех претенденток, тем более что давно привык разбираться в людях и на это обычно уходило не больше минуты. И все же оказался бессильен определить, какими качествами должна обладать настоящая леди, не говоря уже о ее местонахождении. Если в Лондоне ее нет, где же теперь искать?

До него донесся слабый, но отчетливый звук шагов.

Чарлз моргнул, прислушиваясь. Он отпустил слуг на ночь: они уже давно в постелях.

Сапоги, не туфли.

Шаги приближались, становились все громче, доносясь откуда-то из глубины дома. И к тому времени как достигли вестибюля, находившегося неподалеку от библио-

теки, он уже точно знал, что это не слуга. Ни у одного слуги нет такой уверенной, спокойной походки.

Он глянул на собак. Они тоже насторожились, наостригли уши, хотя с места так и не поднялись. Он знал эту манеру: если неизвестный войдет, они встанут и поприветствуют его, в противном же случае готовы дать пройти.

Из этого следовало одно: Кассию и Бруту известно больше, чем ему. Они точно знают, кто бродит ночами по его дому.

Чарлз насторожился, отставил бокал, и не веря ушам, стал прислушиваться, как незваный гость, очевидно, добравшийся до лестницы, как ни в чем не бывало поднимается наверх.

— Какого черта?! — прошептал он, хмурясь, и уставился на волкодавов, по-прежнему не реагирующих на вторжение.

— Пойдите, — приказал он и, одним прыжком очутившись у двери, чуть приоткрыл ее. В отличие от особы, можно сказать, смело маршировавшей по ступенькам, он производил меньше шума, чем призрак.

Леди Пенелопа Джейн Марисса Селборн как раз успела добраться до верхней площадки и, не задумываясь, свернула налево, к галерее. Очевидно, она стремилась поскорее добраться до коридора в самом конце. Пенелопа даже не позаботилась захватить с собой свечу. Впрочем, зачем ей свеча? Она и так бесчисленное количество раз проходила этой дорогой. Сегодня тени в галерее и мирная тишина дома стали бальзамом для мятущейся, растерянной души.

И какого дьявола она должна теперь делать? Более того, что происходит?!

Она едва подавила порыв зарыться пальцами в волосы, распустить длинные пряди, собранные в тугий узел, но на ней все еще была широкополая шляпа. Одетая в бриджи и старую жокейскую куртку, она весь день провела в слеске за своим дальним родственником Николасом Селборном, виконтом Арбри.

Николас был единственным сыном маркиза Эмберли, который после смерти сводного брата Гренвилла унаследовал родной дом Пенелопы, Уоллингем-Холл, в нескольких милях отсюда. И хотя она уважала и симпатизировала Эмберли, с которым встречалась несколько раз, все же была не так уверена в Николасе. Когда в феврале он без предупреждения появился в Уоллингеме и стал задавать вопросы о привычках и знакомых Гренвилла, она мгновенно насторожилась. Подозрения ее были вполне обоснованны: Пенелопа имела веские причины считать, что всякий, кто осмеливается зада-

вать подобные вопросы, должен находиться под непрерывным наблюдением. Но через пять дней Николас уехал, и она решила, что на этом все и кончилось.

Однако вчера Николас вернулся и целый день провел в посещениях гнезд различных контрабандистов, разбросанных вдоль побережья. Сегодня ночью он навестил Полруан и провел два часа в тамошней таверне. Пенелопа провела эти же два часа в слежке за ним из ближайшей рощицы, поскольку порядочной женщине не место в кабаке.

Раздраженная и крайне встревоженная, она подождала, пока Николас выйдет, и последовала за ним в ночь. Уверившись, что он направляется в Уоллингем, она повернула кобылу на север и поехала в свое убежище.

Во время долгого бдения в рощице она придумала способ узнать, что делал Николас в тех тавернах, в которых просиживал каждую ночь, но этот план придется привести в действие только завтра. А пока что пыталась осознать то, что провела до сих пор. Пыталась и одновременно страшилась того, что это может означать, что может обнаружиться. К чему это может привести.

Несмотря на нетерпение, Пенни чувствовала, что долгий день вымотал ее до последней степени: она так устала, что почти потеряла способность мыслить. Ничего, главное хорошенько выспаться, а утром с новыми силами приняться за дело.

Достигнув конца галереи, Пенни свернула в коридор. Вторая спальня от конца крыла последние десять лет предназначалась ей всякий раз, когда она собиралась навестить дом крестной матери. Комната всегда содержалась в готовности. Слуги Эбби давно привыкли к ее случайным, внезапным набегам. Поэтому в камине всегда были дрова, хотя огонь не зажигался. Повернув голову направо, где тянулся ряд высоких незашторенных окон, выходивших на задний двор с фонтаном и ухоженными клумбами, Пенелопа решила, что не стоит возиться с камином. Она и без того едва ноги волочила. Сил хватит только на то, чтобы стянуть бриджи, сапоги, куртку и рубашку, забраться под одеяло и, наконец, закрыть глаза.

Тяжело вздохнув, она взялась за ручку двери.

Слева материализовалась большая зловещая тень.

Паника ударила в голову, лишая разума. Она уставилась на...

— Ай!

И тут она опомнилась. И узнала его. И зажала себе рот, чтобы не закричать. Но он оказался проворнее. Его рука с размаху припечатала ее все еще прижатую к губам ладонь.

Несколько мгновений она смотрела в его глаза, темные и непроницаемые. Такие близкие... такие знакомые.

Она остро ощущала идущий от него жар.

Не могла отвести взгляда от него, высокого, широкоплечего, продолжавшего стоять в темноте рядом с ней.

Если время имело способность останавливаться, в этот миг оно остановилось.

Но всего на миг.

Реальность обрушилась на нее с угрожающей силой.

Гордо выпрямившись, она отступила.

Нервно дернувшись, он уронил руку, отпустил Пенелопу, прищурился и стал бесцеремонно сверлить ее глазами.

Пенелопа прерывисто вздохнула, ошеломленно глядя на него. Сердце по-прежнему колотилось где-то в горле.

— Черт тебя возьми, Чарлз, какого дьявола ты пытаешься до смерти меня напугать?

Единственный способ общаться с ним — перехватить поводья и править самой.

— Мог бы по крайней мере слово сказать или хотя бы не подкрадываться!

Темная бровь насмешливо изогнулась. Взгляд скользнул по шляпе, опустился ниже... ниже, до самых сапог.

— Я не понял, что это ты.

И снова пламя лизнуло ее холодную кожу, скрытую убогой одежкой. Его голос был все таким же глубоким и мрачным, как она помнила, и все так же обладал волшебством обольщения, хотел Чарлз того или нет. Что-то сжалось внутри, но она пыталась взять себя в руки.

Внезапное осознание того, что она хотела видеть этого человека меньше всего, обожгло огнем и потрясло до глубины души.

— Как видишь, это действительно я. А сейчас, если не возражаешь, я бы хотела немного поспать.

Она повернула ручку, распахнула дверь, вошла и захлопнула ее за собой.

Вернее, хотела захлопнуть. Створка остановилась в четырех дюймах от замка.

Пенелопа толкнула дверь, но тут же вздохнула. Глубоко. Обреченно. И прислонилась лбом к холодной па-

нели. Их силы явно неравны: она понимала, что он всего лишь нажал на дверь ладонью, но ей с ним не сладить.

Так и быть!

Пенелопа отступила и подняла руки.

— Что ж, упрямясь! — процедила она сквозь зубы. Терпение ее было на пределе. Она едва сдерживалась, а в таком состоянии иметь дело с Чарлзом Максимилианом Джеффри Сент-Остеллом было всего опаснее.

Она размашистыми шагами пересекла комнату, стащила шляпу и села на кровать, наблюдая, как он входит и оглядывается. Чарлз оставил дверь приоткрытой, искал глазами Пенелопу и осмотрел комнату.

Увидел ее щетки на туалетном столике; бросил взгляд сначала на комод, заметив пару оставленных под ним полусапожек, а потом на кровать. Убедился, что она не расстелена, надменной, уверенной походкой устремился к стоявшему перед окном креслу и сел.

Пенелопа зачарованно смотрела на него. Не было слов, чтобы описать его движения, полные вкрадчивой грации. Перед ней был настоящий вышедший на охоту хищник.

Его черные волосы лежали тяжелыми длинными локонами, обрамлявшими аристократическое лицо с резкими чертами, выразительно изогнутыми темными бровями, большими, глубоко посаженными глазами, скульптурно вылепленным носом и подбородком.

На губы она предпочла не обращать внимания.

Несколько долгих секунд он не сводил с нее глаз: даже в полумраке она это чувствовала. Он всегда видел в темноте лучше ее; если она хочет выдержать допрос, не выдав секретов, значит, во что бы то ни стало должна сохранять самообладание.

Пожалуй, умнее всего ринуться в атаку первой.

— А что это ты делаешь дома?

А ведь она была так уверена, что дом пуст и по-прежнему остается ее надежным убежищем! Неудивительно, что вопрос превратился в упрек!

— Я живу здесь, помнишь? — усмехнулся граф и, чуть помедлив, добавил: — Мало того, отныне именно я владелец Эбби и всех его земель.

— Да, но...

Она не собиралась позволить ему развить опасную тему. Еще чуть-чуть, и он будет утверждать, что, как хозяин этого дома, несет за нее ответственность!

— Марисса, Жаклин, Лидия, Аннабел и Хелен уехали в Лондон помочь тебе найти жену. Моя мачеха — твоя крестная — и мои сестры тоже там. Они покинули родной дом, исполненные энтузиазма и во всеоружии. Со времен Ватерлоо в здешних салонах и Уоллингеме больше почти ни о чем не говорят. И ты должен быть там, а не здесь.

Она вдруг осеклась, моргнула и охнула:

— А они знают, что ты уехал сюда?

Вопрос был не напрасный, — слишком хорошо она знала Чарлза.

Он даже не нахмурился, но она почувствовала его раздражение, как и то, что оно было направлено на нее.

— Они знают, что мне пришлось покинуть столицу.

Пришлось?

Пенни безуспешно попыталась скрыть досаду.

— Но почему?

Господи, Господи, только не это...

Сейчас Чарлз жалел, что освещение слишком плохое и кресло не придвинуто к кровати: теперь он не мог видеть глаз и выражения лица Пенни, а следовательно, прочесть ее мысли тоже не было никакой возможности. Он специально уселся на безопасном расстоянии, чтобы лишний раз не расстраивать себя и Пенни. Того момента в коридоре было вполне достаточно: потребность схватить ее, снова ощутить в объятиях это желанное тело была столь неожиданно сильной, такой неодолимой, что только железная воля помогла ему устоять.

Он все еще не пришел в себя, все еще не стряхнул обуявшее его безумие. Придется пока что ничего не предпринимать. Будь что будет.

Она ничуть не изменилась, оставаясь такой, какой он ее помнил: высокая, гибкая, стройная, светловолосая сальфида, которая, несмотря на внешнюю хрупкость, обладала внутренней силой, ничуть не меньшей, чем у него. Правда, он может и ошибаться. В конце концов она — хорошо воспитанная леди благородного происхождения, и тринадцать лет, прошедших с их разлуки, могли оставить свой след. В двадцать девять она, вероятно, стала совершенно другим человеком, но каким? Он понятия не имел. Только одно наверняка осталось неизменным: можно поклясться, что ее острый ум ни на йоту не притупился.

10 — Я здесь по делам.

Тут он не солгал. Что правда, то правда: у него здесь дела.

— По каким именно?

— Ну... то одно, то другое... всяким.

— По делам поместья?

— Пока я здесь, обязательно изучу все бумаги, накопившиеся на моем столе.

— Но ты здесь по другим причинам?

В ее тоне звучало явное волнение. Но почему? Все его инстинкты пробудились, а вместе с ними — настороженность и подозрительность. Его миссия здесь не должна возбуждать вопросов. Он ничего не станет скрывать. Пока что нет причин, по которым он не может честно признаться, зачем появился здесь. Однако он вовсе не собирался выкладывать все при первой же встрече.

Но если она спрашивает, значит, самый лучший выход — все ей рассказать и посмотреть, как она отреагирует. Но тогда — услуга за услугу, — какого черта она слоняется по окрестностям в полночь, да еще переодетая мужчиной?! И какого черта она здесь, а не у себя дома, в Уоллингем-Холле, до которого всего четыре мили отсюда? И, если уж на то пошло, почему она не в Лондоне? Почему до сих пор не замужем? Не живет с мужем и детьми?

О да, он определенно хотел получить ответы на все эти вопросы, а это означает, что любое расстояние между ними не имеет значения. Если она солжет...

Он неспешно встал и, не сводя с нее глаз, стараясь ничем не встревожить, спокойно подошел к постели и прислонился к кроватному столбику у изножья. Она бестрепетно смотрела ему в глаза.

— Я скажу тебе правду, почему приехал сюда, если ты, в свою очередь, честно признаешься, почему оказалась здесь в этот час и в таком костюме.

Она еще крепче вцепилась в край кровати. Прошло несколько секунд, прежде чем Пенни свела брови и отвернулась.

— Я голодна.

С этими словами она встала, подошла к двери и, не оглядываясь, исчезла в коридоре.

Чуть улыбнувшись, он оттолкнулся от столбика и последовал за ней, но догнал только на лестнице, и они вместе добрались до кухни. Пенни решительно промаршировала на самую середину и, схватив стоявший на печи котелок, отнесла к насосу у раковины и принялась наполнять. Чарлз

присел на корточки, открыл печную дверцу и стал ворошить угли, пока они не налились красным. Сверху он положил растопку, потому шепу, замечая пронизывающие, оценивающие взгляды, которые Пенни то и дело бросала на него.

Как только пламя запылало, он закрыл дверцу и поднялся. Пенни дотянулась до конфорки, поставила котелок и поместила рядом чайник, в который насыпала сухого чая. Повернувшись к столу, он увидел чашки и блюдца, а также тарелку с миндальными пирожными миссис Слаттери, которые Пенелопа успела принести из буфетной. Очевидно, она куда лучше Чарлза знала, где что лежит.

Приготовив все, она уселась на стул на торце стола. Миссис Слаттери, главная кухарка и экономка Эбби, никогда не позволила бы Пенелопе так хозяйничать, а это означало, что подобные вылазки в ночные часы, когда дом спит, для нее нередки.

Она поставила его чашку и блюдце на противоположный конец стола. Пирожные и единственный подсвечник помещались на середине. Приходилось тянуться, чтобы достать лакомство, но так захотела Пенни, поэтому Чарлз без возражений устроился на предназначенном ему месте. Здесь, на кухне, где не было сквозняков, пламя свечи почти не колебалось, и Чарлз добился желаемого: увидел ее лицо.

Она откусила кусочек пирожного и с улыбкой вскинула брови:

— Итак, почему ты здесь?

Откинувшись на спинку стула, противясь соблазну съесть пирожное, он снова стал изучать Пенелопу. Если ответить прямо, ничего не скрывая, каковы шансы вытянуть что-то из нее?

— Мой бывший командир попросил меня как следует оглядеться здесь.

И что теперь?

Он видел молчаливый вопрос в серо-голубых глазах, но мог только гадать, почему она так осторожна.

— Твой командир... — Пенелопа поколебалась, прежде чем выпалить: — А в каких войсках ты служил, Чарлз?

Правду знали очень немногие.

— Не в армии и не на флоте.

— В каком же полку?

— Теоретически — в одном из гвардейских.

— А на самом деле?

12 Если он не откроется, она не поймет остального.

Пенелопа нахмурилась.

— Где ты был все эти годы?

— В Тулузе.

Она озабоченно свела брови.

— У родственников матери?

Чарлз покачал головой:

— Они из Ланде. Примерно на таком же расстоянии, только к югу. Так что моя смуглая кожа и акцент были вполне приемлемы. Кроме того, в тех местах меня никто не знал, и я находился в сравнительной безопасности.

Она, кажется, начинала что-то понимать. Глаза затуманились, лицо стало задумчивым, но она тут же опомнилась и возмущенно воскликнула:

— Значит, ты был шпионом?!

Он давно привык к подобному отношению и поэтому даже глазом не моргнул.

— Неофициальным агентом правительства его величества.

Котелок выбрал именно этот момент, чтобы закипеть. Его слова звучали небрежно, почти цинично, но Чарлзу вдруг очень захотелось выпить чаю.

Пенни поднялась, все еще глядя на него, слегка приоткрыв губы. Ему показалось, что глаза у нее круглые, но он так и не смог прочитать, что кроется в ее взгляде. Потом она отвернулась, схватила котелок и налила кипящую воду в чайник, после чего оставила чай завариваться.

Пенни снова вернулась к столу, вытерла руки о бриджи и медленно уселась. На этот раз она подалась вперед: теперь свет отражался в ее глазах.

— Все эти годы?

До этого момента он не знал, как она отреагирует: устрасится ли бесчестия, которым многие считали профессию шпиона, или все поймет.

Она поняла. И испугалась за него. Не того, что он делал.

Огромная тяжесть упала с его плеч. Он глубоко вздохнул, легонько пожал плечами:

— Кто-то должен был это делать.

— Но с каких пор?!

— Меня завербовали, как только я появился в полку.

— Но тебе было только двадцать! — ахнула она.

— Я был также наполовину французом, выглядел настоящим французом, говорил, как уроженец юга, и мог легко сойти за француза. И... вполне созрел для любого безумия.

Он никогда не признается в том, что причиной этого безумия отчасти была она.

— Но...

Она пыталась осознать сказанное. Чарлз вздохнул.

— Тогда пробраться во Францию было очень легко. Всего через несколько месяцев я вполне обжился в чужой стране. Очередной французский бизнесмен, перебравшийся в Тулузу, только и всего.

Пенни критически покачала головой:

— Но ты смотришься... и ведешь себя как настоящий аристократ. Высокомерие — неотъемлемая часть твоей натуры.

Он широко улыбнулся:

— Я выдавал себя за незаконного отпрыска благородной, но уже несуществующей семьи, на фамильных могилах которой с радостью сплясал бы тарантеллу.

Пенни, немного подумав, кивнула:

— Пожалуй, верно. И что потом?

— Я добивался благосклонности каждого высокопоставленного военного и гражданского сановника и собирал любую информацию, какую только смог добыть.

Единственный вопрос, на который он не собирался отвечать, — каким образом ему все это удавалось. Но она не спросила.

— Значит, ты отсылал полученные сведения, но сам оставался там все это время?

— Да.

Она поднялась, принесла чайник и стала разливать чай. Чарлз наблюдал за ней, почему-то наслаждаясь этим простым домашним уютом. Она так отвлеклась, что не заметила, как близко к нему подошла. И когда подалась вперед, его глаза жадно охватили изгиб ее бедра, нескромно обтянутый бриджами. Пальцы у него зачесались, но он заставил себя не шевелиться, пока она не отошла. И, кивнув в знак благодарности, обеими руками поднял чашку, приятно гревшую ладони.

— И когда стало ясно, как успешно идет работа и как ловко я способен проникать в высшие круги, ставки повысились, и бегство показалось слишком рискованным. Французы должны были поверить, что я всегда на месте, всегда рядом. Никаких вопросов, где был я в то или иное время.

Оставив чайник на раковине, она вернулась на место.

— Значит, именно поэтому ты не приехал на похороны Джеймса?

— Я сумел улизнуть на похороны отца и Фредерика, но когда убили Джеймса, силы Веллингтона подходили к Тулузе, и мне было жизненно важно оставаться в городе.

Фредерик, старший брат Чарлза, сломал шею на охоте. Джеймс, средний, унаследовавший титул Фредерика, утонул, катаясь на лодке. Он, Чарлз, был всего лишь третьим сыном шестого графа и все же волею судьбы нынче сам стал девятым графом Лостуителом. Один из капризов фортуны, улыбнувшейся ему.

Пенни кивнула и, отведя глаза, пригубила чай.

— А ты был при Ватерлоо? — неожиданно спросила она.

Чарлз поколебался... но очень уж хотелось услышать от нее правду — всю правду.

— За линией французских войск. Вел людей, таких же, как я, наполовину французов, чтобы присоединиться к тулузскому отряду, оборонявшему артиллерию на холме, выходившем на поле сражения.

— Ты остановил орудийный огонь?

— За этим мы туда и пришли.

— Помешать французам убивать наших людей, — утвердительно кивнула она.

Убивая других...

Последние слова он оставил невысказанными.

— Но после Ватерлоо ты продал патент.

— У правительства больше не было нужды в нас... агентах вроде меня. И меня ждали другие обязанности.

Она чуть скривила губы.

— И никто, включая тебя, не предполагал, что эти обязанности выпали на твою долю.

Она права. Графский титул свалился на него, самого необузданного, наименее подходящего для такой чести третьего сына.

Пенни продолжала изучать его.

— И каково это — быть графом? — усмехнулась она.

Черт побери, у нее всегда была эта невероятная способность ужалить в самое чувствительное место!

— Странно, — буркнул он, глядя в полупустую чашку.

Невозможно объяснить чувство, охватившее его, когда он поднялся на крыльцо и вошел в массивную парадную дверь. Графский титул и поместье теперь принадлежали ему, а вместе с ними — и неотъемлемые обязанности, связанные с управлением делами, ибо Эбби был не просто